

2207

21 АВГ 1983

„МЫ ВСЕ ТЯНУЛИСЬ К НЕМУ...“

Имя Александра Вампилова навсегда вписано в золотую книгу русской светской литературы. И мы, его земляки, гордимся, что замечательный драматург — наш современник.

Если на карте Иркутской области в самом ее центре начертить треугольничек, то на острие углов окажутся три в общем-то небольшие райцентра — Зима, Усть-Уда и Кутулик. Первый из них — родина Евгения Евтушенко, второй — свидетель первых шагов Валентина Распутина, а третий бережно хранит память об Александре Вампилове. Школа-десятилетка, где еще недавно до ухода на пенсию преподавала его первая учительница К. Н. Токтовова, улица, названная в честь замечательного драматурга, и многие-многие однокашники, помнящие непокорные кудри на его голове, острые и меткие словечки, которые потом как-то незаметно переплавились в реплики героев его пьес...

Уже став признанным драматургом, он ездил в командировку от газеты и писал свои очерки-размышления... Чаще всего в командировочном маршруте значился родной и близкий, и такой провинциальный Кутулик.

«Как там наши акации!», «Прогулки по Кутулику» — это возвращение в детство и юность, это голубые сны, отрезвленные прозой жизни, с ее нелегкими драматическими экзонами.

Именно в те поездки в середине шестидесятых годов Александр Вампилов сцену точно сформулировал: «Деревянный, пыльный, с огородами, со стадом частных коров, но с гостиницей, милицией и стадионом Кутулик от деревни отстал и к городу не пристал. Словом, район-центр с головы до пят. Райцентр, гохожий на все райцентры России, но на всю Россию все-таки один-единственный».

Вспоминая Саню, я ловлю себя на мысли, что наиболее яркой чертой его души была нежность. Нежность к матери и отчужденному дому, нежность к любимой женщине и друзьям. Она выражалась в особой деликатности, и в постоянной заботе. Он был талантлив во всех своих проявлениях, на все, к чему он прикасался, ложился отпечаток его яркой и неповторимой натуры. Кутулик, где прошли его детские и юношеские годы, вспоминал часто. Ребячья шалость и поездки на волшебное Алятское озеро, где водятся невиданные караси, в его рассказах освещались особой романтичностью. «Малая родина» всегда присутствовала ему, может, потому очерки о Кутулике навсегда запечатлели неизбывность любви и благодарности родному краю.

То, что Вампилов — писатель настоящий, сцену рано понял его собрать. В самом начале шестидесятых годов, когда Саня был автором единственной книжечки, авторитет его в литературном мире Иркутска был чрезвычайно высок. К нему тянулись, прислушивались. В редакции «Молодежки» в те годы часто заходил Игнатий Дворецкий. Они обычно уединялись с Саней, а мы, чтобы не мешать, разбредались по другим кабинетам. Впрочем, именно Дворецкий в свое время нацелил на профессиональную работу и В. Шугаева, и Ю. Скопа...

Вампилов ушел из редакции как-то незаметно, но по-прежнему по вечерам звучала его гитара и не было почти дня, чтоб он не забегал на «огонек». Осенью 1964 года он торжественно, в интерпретации Сани это выглядело чуть намешливо, пригласил нас в Союз писателей на читку пьесы — «полнометражной», по его выражению. О пьесе мне приходилось слышать не раз, там были стихи и песни, помню одну из них «Человек из каменного века». Саня с особым удовольствием напевал, и обязательно спрашивал: ну, как?

...Итак, читка «Ярмарки», так называлась тогда пьеса «Прощание в июне». Это было удивительное чтение, комната в Союзе писателей то дрожала от смеха, то взбудораженно вздыхала. Столько блестящего остроумия, отточности каждой фразы было в ней, что впечатление можно было назвать потясающим. Позднее многие, очень многие блестящие диалоги были сняты или заменены. Да и вся пьеса переписывалась много раз, и «Прощание в июне» только фабулой теперь отчасти напоминает «Ярмарку». Как-то я спросил Саню, почему он «испортил» пьесу. Вампилов усмехнулся:

— А ты видел в жизни, чтобы люди разговаривали одними «хехехами».

Непонятно было мне тогда и название «Ярмарка». Потом я читал различные толкования. Саня в ответ на мой вопрос сказал:

— Тебе сколько лет? А-а... Значит, ты еще едешь на ярмарку... К тридцати пяти — ярмарка, а потом уж с ярмарки...

Эти слова вспомнились и показались жуткими, когда пришла роковая весть о его гибели, всего за два дня до тридцатипятилетия...

В те годы Вампилова часто можно было встретить в общежитиях университета. Студенческая среда, с которой он расстался всего несколько лет назад, тянула его. Отсюда и многие коллизии «Прощания в июне», «Старшего сына». Как-то ситуации происходили непосредственно в жизни. С его приходом появлялась гитара. Саня наигрывал и напевал проникновенным баритоном. Репертуар был разнообразным. Чаще звучали есенинские строки «Вечером синим, вечером лунным, был я когда-то красивым и юным». После учебы на Высших литературных курсах, где Саня подружился с Николаем Рубцовым, он привез в Иркутск стихи и песни зюгогодского самородка. Особенно удавалась ему «Прощальная песня»:

Не грусти на знобщем причале,
Парохода весною не жди,
Лучше выпьем давай на прощанье
За недолгую нежность в груди.

О вампиловской скромности, а порой и застенчивости вспоминают многие. Лишенный в равной степени какого бы то ни было выскочества или искательства, он твердо стоял на ногах, не терпел любого проявления чванства. Один заезжий литератор в компании иркутян стал задирать нос и поучать. Как-то подрастерялся в тот момент друзья-писатели. Только Саня неожиданно остервенился:

— Вы, говорят, что-то там пишете... Только, пожалуйста, не думайте, что это литература.

Ирония Вампилова могла быть и разящей.

Осенью 1969 года иркутский драмтеатр решил поставить Вампилова. К тому времени пьеса «Прощание в июне» широко шла по стране. Родному Иркутску Саня отдал право первой постановки «Старшего сына». В сентябре—октябре мы часто встречали его с режиссером Владимиром Симоновским. Похоже, что они ежедневно ставались лишь на короткое время, увлеченно и с особым упованием работали над постановкой. Уже тогда по городу шли разговоры, а позднее они подтвердились, что Вампилов был соавтором режиссера-единоглышлемника. И это было не работой театра с автором, пьеса не нуждалась в доработках, а просто сошлись два художника,

чье мировоззрение совпадало. Это во многом и определило судьбу спектакля на долгие годы.

Ноябрь. Премьера. У драматического театра настоящее столпотворение, так как часто бывало в те годы в Иркутске. Автобусы телевидения, кинохроники. О лишней билегах не может быть и речи, а разговоров много, ведь нагрянка по любви зала в курсе всех перипетий с пьесами Вампилова. Обрывки фраз:

— Вампилов сам режиссировал...

— Он, знаете, призвал этих музыкантов и попросил записать похоронный марш...

— Новая глава в театре, я несколько не преувеличиваю...

Минут за пятнадцать до спектакля Вампилов стоит у двери партера. Никакой парадности: на рубашку надета меховая безрукавка, он немножко нервен и озлобчен. Увидя знакомых, машет рукой, по губам пробегает мгновенная улыбка. Потом он исчезает и до самого конца спектакля Вампилов на галерке, другие утверждают, что он за кулисами...

...Прием спектакля самый восторженный. Долго не смолкают аплодисменты. Видно, как счастливы актеры. Не скрывают откровенной радости В. Симоновский, А. Тишин, В. Лобанов, В. Алексеев, Т. Хрулева, Т. Панасюк, Г. Марченко и другие исполнители. Аплодируют кулисам. Саня выходит неловко, как-то боком, сбегается всеобщего восторга обнимает режиссера, актеров, всматривается в зал — столько дружеских лиц.

«Старший сын» идет с посяганиями аншлагом, но автор далеко не всем удовлетворен.

...Иногда по вечерам он приглашает в театр. И мы идем на «Старшего сына». В темноте лжи автор сидит молча. В антракте шел к актерам, шутил с Валерием Алексеевым, приветливо улыбался Елене Мазузенко, которая вскоре заменила уехавшую Т. Хрулеву.

Лена потом говорила:

— Когда он в зале, мне и страшнее, и легче играть. Боязно сфальшивить, и в то же время подьем какой-то чувствешки.

Ее, как и Валерия Алексеева, Татьяну Хрулеву и других из талантливейших поросли Иркутского драмтеатра, открыли пьесы Вампилова.

Спустя годы иркутский театр перед московскими гастролями решил сбновить спектакль. И хотя делал это специально приглашенный первый постановщик В. Симоновский, что-то было утрачено, пожалуй, обаяния стало меньше. Одни актеры ушли, другие повзрослели, да и оформление спектакля шло вразрез с указаниями автора. Спустя тринадцать лет после премьеры я снова побывал на «Старшем сыне». Много воды утекло и много ее прибавилось в постановке. Небрежность, отсебятина в тексте, неоправданные купюры — постепенно исчезает вампиловский дух из спектакля. А в театре по-прежнему говорят о мемориальности этой постановки. В 1984 году иркутяне будут гастролировать в Ленинграде, поговаривают об очередном обращении «Старшего сына». Хотелось, чтоб он попал в заболитые руки и обрел первоначальную свежесть и обаяние.

Саня любил рассказывать о своих поездках, встречах. В последние годы жизни часто вспоминал «уроки» А. Т. Твардовского, который заходил к Вампилову и Шугаеву «на огонек» в Красной Пахре, где иркутяне жили на даче Б. А. Костюковского. О том, что Твардовский читал его пьесу, хвалил, предлагал помощь, гворил мимоходом... Но чувствовалось, что суждения великого поэта ему очень дороги, как и суждения большого мастера театра Г. А. Товстоногова. Не повторял все их имена, чаще о том и другом говорил: «корифей сказал»...

Знал цену «Утиних охоты», был счастлив, когда ее напечатал альманах «Ангара». Вместе мы были на почте, когда он отправлял бандероли Г. Товстоногову, О. Ефремову, Ю. Любимову, Е. Якушкиной, Г. Опаркову...

О «Валентине» Саня заговорил вскоре после иркутской премьеры «Старшего сына». Он вернулся из поездки в Прибалтику, был разочарован, что так и не получил «добро» на столичные премьеры, хотя во многих театрах лежат его пьесы. С неизменной любовью говорил о Елене Леонидовне Якушкиной, называл ее «добрым ангелом», частенько звонил ей в театр им. Ермоловой. Но и ее постоянные хлопоты пока не приносили успеха.

Весной 1971 года дал почитать пьесу, отрывок опубликовала «Восточно-Сибирская правда». Был огорчен, что позднее пришлось сменить название: появилась пьеса М. Рошина «Валентин и Валентина».

Наверное, о этой пьесе («Прошлым летом в Чулимске») оказалась самая трудная судьба. Превыдущие пьесы А. Вампилова охотно, хотя и с определенными преодолениями, печатали альманах «Ангара»... А эта пьеса не была понята некоторыми из тех, на кого крепко надеялся автор. Ими и была высказана версия, что автор думает еще над финалом пьесы и т. д. Насколько я знаю, Александр Вампилов, это он говорил мне не раз, думал вернуться к пьесе «Прощание в июне», считал ее учебической во многом и хотел, но его выражению, еще раз «прописать характеры». В отношении «Валентин» ни в 1971, ни в 1972 годах такой разговор не возникал — в работе был «Несравненный Наконечников».

Особенно огорчила Вампилова позиция некоторых литераторов, выступивших против публикации «Валентин». Когда говорят о холодной байкальской воде что сгубила драматурга, думается о другом холоде, который неожиданно пахнуло на Саню летом последнего 1972 года.

«Прозвали Вампилова», как метко заметил один драматург, не только театры, но и многие из тех, с кем он общался часто и постоянно. Потому родились такие сасхожие формулировки, как: «иркутский Чехов», «Гоголь, прошедший школу Чехова» и т. д. Определенные рамки требовались при жизни, есть попытки определить «ступеньку» Вампилова и сейчас. Как похожи они на «восторг запоздалой любви»!

Наверное, нет в стране театра, где бы не ставились пьесы А. Вампилова. Свидание с ним — всегда праздник для режиссеров и актеров. Открытие большого и многообразного мира для зрителя. Появились кинофильмы и телефестивали, с успехом звучит опера Г. Гладкова «Старший сын». И, конечно, живет память о нем, и очень уж хватает его всем, кто помнит его вдохновенные глаза, чуть намешливую улыбку, улыбку с понимающей печалью и вопросительную интонацию негромкого голоса...

Пожалуй, наиболее емко выразил отношение к Сане всех знавших и любивших его Валентин Распутин. Спустя месяц после гибели он писал: «Мы все тянулись к нему, потому что видели в нем натуру не случайную, не заученную, а исключительно цельную и богатую, созданную чьим-то счастливым даром, видели в нем его естественность, если хотите, даже природность. Это качество в человеке переоценить нельзя. Саша ничего не умел делать походя — ни работать, ни дружить, ни любить, ни разговаривать, ни жить — во всему относился искренне, с полной душой».

...В Москве и Ленинграде, в Иркутске и Улан-Уде идут спектакли по пьесам Вампилова. Ставят его и во многих странах мира. Жизнь замечательного драматурга продолжается.

В. ИВАШКОВСКИЙ.